

В верованиях западносибирских татар автор прослеживает много общего с верованиями других тюркских мусульманских и немусульманских народов, в частности он отмечает присутствие в их пантеоне таких древнетюркских божеств, как Ёр-су и Умай, а также духа Натигай. Наиболее подробно освещены представления сибирских татар о божестве Умай.

Рассматривая представления западносибирских татар о душе, автор касается термина *кот/кут* близкого по значению, как считает Ф. Т. Валеев, к слову *джан* (в местном произношении *чан, йэн*) — «душа» (с. 199, 200). При этом автор, ссылаясь на монографию о татарах Поволжья и Приуралья⁹, отмечает, что «некоторые исследователи термин „кот“ считают термином домусульманского представления о душе» (с. 200). Однако Г. В. Юсупов, автор соответствующего раздела названной книги, более осторожен — *кот* им отнесен к ряду таких слов, «прямой смысл которых ныне забыт, но которые можно хотя бы косвенно соотнести со значением „душа“»¹⁰. Осторожность эта оправдана ввиду многозначности данного слова как в прошлом¹¹, так и в наше время (что видно из материалов Г. В. Юсупова и Ф. Т. Валеева) и несомненной сложности путей формирования и последующей трансформации понятий и представлений, им обозначавшихся. Думается, что при дальнейших изысканиях по этому интересному вопросу окажется плодотворным начатое Б. А. Литвинским сопоставление тюркского *кот/кут* с представлениями иранских народов о *фарне*¹².

В конце рецензируемой книги дана краткая характеристика революционных преобразований в культуре и быту западносибирских татар за годы Советской власти, приводятся конкретные данные об участии их представителей в Великой Отечественной войне, об их трудовых и культурных достижениях.

Книга значительно выиграла бы, если бы ее завершало серьезное заключение, в котором были бы сведены материалы, характеризующие своеобразие отдельных этнографических групп изучаемого этноса, чтобы создалось цельное впечатление об этнокультурном облике каждой из них. Это позволило бы, с одной стороны, выявить истоки своеобразия, с другой — резче оттенить общие для всех групп черты и тем самым определить степень близости их между собой в конце XIX — начале XX в. и тенденции этнических процессов накануне Октября.

Отмеченные выше недостатки книги не снижают, однако, ее большого научного и познавательного значения.

Б. Х. Кармышева, Х. А. Аргынбаев

⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967, с. 345.

¹⁰ Там же.

¹¹ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969, с. 471—475.

¹² Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968, с. 106, 107.

М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. Мангазея. Мангазейский морской ход/Ред. Белов М. И. Ч. I. Л.: Гидрометеиздат, 1980; Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв./Ред. Рыбаков Б. А. Ч. II. М.: Наука, 1981.

Мангазея — «златокипящая государева вотчина» XVII в. — как исторический памятник была хорошо известна в России уже с 60-х годов XIX в. не только отечественным историкам, но и представителям русской интеллигенции. Далекая, почти легендарная Мангазея вызывала интерес ученых (П. Н. Буцинский, Д. Н. Анучин и др.), волновала воображение путешественников. Поскольку остатки городища Мангазеи не надо было «открывать», ее посещали любители древностей, оставляя свои впечатления от романтической встречи с одним из первых русских арктических городов, путь в который лежал через «Большую океанскую пучину» — Ледовитый океан. «В настоящее время от города Мангазеи остались лишь одни развалины. На берегу торчали бревна построек, нижние оклады зданий, тянувшихся вдоль высокого обвалившегося берега ручья. Сохранилось едва только одно строение, — судя по архитектуре, — башня... Берег обваливается, и остаются мелкие предметы, как стрелы и ножи... Я нашел наконец стрелы», — писал в 1914 г. омский биолог И. Н. Шухов, побывавший на Мангазейском городище.

Несмотря на то что памятник буквально «взвывал к раскрытию», археологических работ на нем не производилось до 40-х годов нашего века, хотя исторические сведения о нем публиковались в трудах крупных советских историков — исследователей Севера, Сибири, Арктики (С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, В. А. Александров, М. И. Белов и др.). В 1946 г. на Мангазее проводились разведочные археологические работы под руководством В. Н. Чернецова, ни в коей мере, однако, не сократившие «разрыв», существовавший между письменными свидетельствами о памятнике и его материальной сущностью, продолжавшей оставаться загадкой.

С выходом двухтомного исследования о Мангазее этот разрыв исчез: исторические сведения о городе, составившиеся на основании письменных документов, наконец, органически «соединились» с представлением о реальной Мангазее, открытой археологическим путем.

Вещественные материалы, ставшие научной базой настоящего исследования, были получены во время многолетних (1968—1969, 1970—1973 гг.) стационарных археологических раскопок экспедиции, организованной Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом при участии Института археологии АН СССР. Поэтому вполне закономерно, что ученые, проводившие эти работы в поле, — начальник экспедиции М. И. Белов и сотрудники ИА АН СССР О. В. Овсянников и В. Ф. Старков — выступают и как основные авторы монографии. В тяжелых климатических и бытовых условиях сибирского Заполярья, в зоне вечной мерзлоты, стационарными археологическими работами было вскрыто 15 тыс. м² площади древнего поселения, обнаружены и исследованы практически все наиболее важные, ключевые части деревянных городских укреплений (кремль) и жилой застройки (посад), прослежена и реконструирована планировка Мангазейского поселения в целом, собран огромный материал по жилищно-хозяйственным комплексам, промыслам, занятиям и культурно-бытовому укладу первооткрывателей богатств Сибири (всего около 3000 предметов). Раскопки Мангазеи блестяще показали, что культурный слой памятников позднего средневековья, богатый и выразительный, обладает огромным потенциалом информативности и может наряду с письменными документами служить самостоятельным источником при решении широкого круга историко-культурных проблем, связанных с историей и этнографией позднефеодалного города.

«Мангазея» — первый капитальный труд, написанный на комплексной археологической и документальной источниковедческой базе, о русском городе в Сибири как военном форпосте, экономическом и культурном центре Северной Сибири, сыгравшем выдающуюся роль в освоении русским населением приполярной зоны Сибири, территорий по Енисею, Лене, Анадырю, о первом арктическом морском порте в зауральских землях.

Мангазея — это первый раскопанный (в значительной своей части) сибирский город эпохи великих русских географических открытий и первоначального освоения гигантских пространств «зауральской земли». История Мангазейского «морского хода», тесная связь населения города и всего ритма жизни Мангазеи с морем, с «летописью» освоения Арктики ставят ее в исключительное положение: средневековая Мангазея была настоящими «морскими арктическими воротами» Сибири. Находки частей полярных судов XVI—XVII вв. представляются особо важными: наряду с находками графических изображений мангазейских судов, выполненных на кочевых (судовых) досках древними мастерами, они позволяют реконструировать «облик» древнерусского полярного корабля.

Авторы продемонстрировали попытку, и попытку успешную, монографического — исторического и археолого-этнографического — исследования памятника. В этнографии и смежных исторических дисциплинах монографическое обследование и описание поселений как историко-этнографических объектов или этнических, этнографических, локальных общностей — один из самых результативных методов и путей изучения¹. Помимо полноты охвата социально-экономической и культурно-бытовой жизни монографические обследования дают представление о динамике жизни, о «живом организме» явления, о неразрывности и взаимодействии всех уровней и пластов культуры. Естественно, что такому монографическому исследованию всегда предшествует многолетняя работа по собиранию, фиксации, интерпретации и, наконец, объединению всех исторических, археологических и этнографических «слагаемых» — самая скрупулезная, но и необходимая часть научного труда.

Следует подчеркнуть, что авторы удачно нашли и использовали все «слагаемые», создав масштабное по охвату явлений произведение: цельное представление о Мангазее складывается на основе описания различных сторон хозяйственной, общественной и культурно-бытовой жизни населения, причем каждая из этих сторон охарактеризована максимально полно. Мы бы даже сказали, что название второго тома — «Материальная культура» — гораздо уже его содержания и выводов, тем более что авторы исследовали мангазейский комплекс на фоне и в контексте северно-русской и сибирской жизни и традиционной культуры.

Обращаясь к структуре и содержанию исследования, особое внимание следует обратить на главу, в которой изложены результаты раскопок экспедиции (часть I, гл. 1, с. 9—28). Она небольшая по объему, однако в сочетании с 26 таблицами подробнейших планов раскопок, на которых архитектурные остатки тщательно и четко зафиксированы и расчленены на строительные горизонты, подтвержденные стратиграфической относительной хронологией и абсолютной датировкой (дендрохронология основана на 230 спилах), представляет собой ценнейшую источниковедческую базу не только для данного исследования, но и для всех, кто в дальнейшем пожелает обратиться к материалам раскопок.

Все разделы монографии содержат наиболее проблемные или малоосвещенные аспекты социально-экономической жизни конца XVI—XVII в., быта и традиционной культуры русского населения Сибири. Имеются в виду такие проблемы, как зарождение и становление городского «организма»; анализ социального состава постоянных или временных северных (европейских) и сибирских поселений; основные этапы строительства и структура военно-оборонительных сооружений (острог, город); строительные приемы и формирование жилищно-хозяйственного комплекса как основной единицы

¹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. — ТИЭ, т. XLI. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975, ч. II — Забайкалье, и др.

застройки поселения; хронологические «срезы» планировки поселения. Авторы уточняют или предлагают свое решение о времени появления и процессе формирования севернорусского дома-дворца, о характере его внутренних связей, о типах жилищ, об особенностях материальной культуры русского населения на этапе первоначального освоения зауральских земель. Справедлив вывод авторов о значительной роли, которую сыграла Мангазея в продвижении русского населения в восточно-сибирские земли и распространении там многих русских традиций в бытовом укладе и материальной культуре.

Вещественный материал позволил несколько по-иному взглянуть на историю городского жилища в Сибири, внес новые или дополнительные данные по изучению влияния севернорусских домостроительных традиций в сложении сибирского жилого комплекса, так сказать, в «натуральном виде». Мангазейский посад показывает строительную технику и приемы возведения жилищ в Сибири с рубежа XVI—XVII вв. (т. е. более раннего времени, чем было известно до сих пор), архитектурно-планировочные решения городских дворов-усадеб, наконец, массу строительных деталей: приемы настила полов, устройство дверных проемов и печей, элементы декора и т. д. Сравнение мангазейского жилища с более поздними памятниками показывает, таким образом, что влияние севернорусских традиций на домостроительство в Сибири сказывалось особенно ярко в начальном периоде освоения зауральских земель.

Авторы дают развернутую картину занятий и быта населения «непашенного» сибирского города. Эта картина впечатляюща и убедительна, поскольку она создана на тщательном вещеведческом анализе нескольких тысяч предметов XVII в., отражающих все своеобразие социально-экономической жизни и культурно-бытового уклада населения города, основу хозяйства которого составляли пушные промыслы.

Сухопутные средства транспорта (несколько типов нарт и лыж, причем на некоторых лыжах сохранились даже остатки берестяных и ременных креплений), промысловые ловушки, деревянные, костяные и железные наконечники стрел, накладки на лук, разнообразнейший набор утвари, обуви, бытовых изделий из дерева, бересты, кожи, кости и металлов — такова еще одна часть этнографического «наследия» Мангазеи. Большую ценность представляют классификация, описание и интерпретация бытовых коллекций Мангазеи, позволившие выделить слой привозных товаров, намного превосходящий по объему местную продукцию; определить функционально-бытовой характер ремесленных изделий; показать строгий, почти аскетический уклад жизни в суровых условиях, не лишенный при этом своеобразного колорита, характерного для промыслового быта Севера вообще. Одна из сторон этого быта — выделывание ряда категорий предметов в промысловых становищах, некоторая архаичность быта и т. д. (ср. культурно-бытовой уклад жизни поморов, находки в заливе Симса, на Шпицбергене).

В монографии затронут и важный вопрос о межэтнических контактах, о взаимодействии и взаимовлиянии русской культуры и культуры местного этнического слоя. Эта тема в работе, пожалуй, только намечена, но мнение авторов о максимуме взаимовлияния в сфере хозяйственных традиций (промысловый инвентарь, средства передвижения, способы охоты, условия быта в экстремальных условиях) находится в верном русле. Вместе с тем археологический материал позволяет «удревить» некоторые русские виды и типы орудий производства, промыслов, утвари, обуви.

Существенно, что рассматриваемая работа является единственным в своем роде фундаментальным исследованием поселения и культуры (в широком смысле) его жителей на первоначальном (конец XVI—XVII в.) этапе освоения Сибири, т. е. воссоздает зримое представление о важном звене в историко-культурном процессе, некоей временной «точке отсчета». Думается, что степень научной значимости подобного рода работ определяется тем, что они становятся достоянием не одной дисциплины (археологии, истории, этнографии), а вносят существенный вклад в общесторическое знание.

Мы не хотим сказать, что рассмотренные в монографии проблемы решены с исчерпывающей полнотой, а все высказанные авторами суждения бесспорны. Многие вопросы остаются открытыми, некоторые станут предметом дискуссий. Однако все это не снимает заслуги авторов, своими руками раскопавших почти исчезнувший город, скрупулезно восстановивших ряд социально-экономических и бытовых сторон жизни его жителей, по-новому подошедших к проблемам, связанным с историей городских поселений на Русском Севере и в Сибири. Надеемся, что предложенные авторами концепции и высказанные точки зрения будут «выверяться» в дальнейшем во всей совокупности севернорусского и сибирского материала, в результате чего определится соотношение своеобразных и общесибирских черт Мангазеи — многофункционального «непашенного» позднефеодального города.

Таково источниковедческое и исследовательское значение опубликованного труда. В заключение хочется еще раз отметить историко-этнографическую репрезентативность и значение опубликованных в работе материалов. Они дают уникальную возможность изучать и правильно интерпретировать многие поздние явления культуры и вещественные памятники, характерные для населения Севера и Сибири, глубже и дифференцированное относиться к той роли, которую сыграло русское население Севера Восточной Европы в сложении сибирского варианта традиционной русской культуры.

*Г. А. Бернштам, Б. И. Шаньгина,
И. П. Шаскольский*